

Творческая идея России по И.А. Ильину

Первоначально – это лекция И.А. Ильина из цикла: «Сущность и своеобразие русской культуры».

«...Главный вопрос: есть у этого народа что сказать? Чего хотел он, что смог? Что было его жизненным содержанием? Какой была его творческая идея?»

Если бы я не поставил перед собой задачу чётко ответить на этот вопрос, я бы мог просто сослаться на Пушкина, Достоевского или Толстого; кстати, произведения двух последних полностью переведены на немецкий, так что теперь их остаётся только прочитать.

Но я взял на себя тяжкую и ответственнейшую задачу самому ответить на этот вопрос, так что мне теперь придётся сослаться на весь цикл своих лекций, поскольку каждая замышлялась и выстраивалась как часть целого, и то, что кажется изолированным островком, в действительности ценится только в целостности и целостности служит, представляя собой отдельное звено в приведении доказательств.

Конечно, я много говорил о фактах, работал над доводами, исходил из чётко осознанного концептуального философского плана. Я старался ничего абстрактно-идеального не изобретать, наподобие произвольно отобранных на основе симпатий небылиц, чтобы потом выдать их за творческую идею России. Что может быть легче? Плестись за своей интуицией и нести всякий вздор, вследствие чего ни тебе обоснований, ни тебе опровержений.

Мне хотелось совсем другого. Творческая идея народа - это не то, что зрили и выразили такие выдающиеся его представители, как Пушкин, Толстой или Достоевский, а гораздо более то, что предстоит уже как факт, что уже работает в нём как внутренняя сила, что уже ведёт народ в его истории, что всегда вело его и что нашло и будет находить выражение в его собственном иррациональном творчестве.

Философу сразу станет ясно, если я скажу следующее: неправильно приписывать народу или навязывать ему платоническую идею, потусторонний идеал, гораздо целесообразнее отыскать в его истории аристотелеву энтелехию. Эта энтелехия тоже есть идея, но если угодно, идея реальная, поюстороннего бытия; она - живая сущность того, что есть сейчас, здесь, и того, что было тогда, в прошлом, и что будет и далее, в будущем, что работало, работает и будет работать в вещи, в человеке или в народе. Это не только отдалённый идеал-образец, далёкая цель, развёрнутое совершенство будущего, но и внутренняя движущая сила, которая всегда была и находила своё выражение и сейчас является движущим и определяющим мотивом, в будущем должна стать руководящей и остаться таковой навсегда.

Скрытая и ещё не развернувшаяся для прошлого, она всё больше и дальше развёрнется в будущем. Когда Господь создавал мир, он каждую вещь замышлял в её законченном совершенстве и эту задуманную им

великолепную идею вдохнул в самую вещь как свою живую душу или как свою творческую идею, которая с тех пор борется в ней с материей и как бы расцветает в ней.

Такую творческую идею России я и имею в виду и ищу. Она есть то, что было всегда в народе и что сражалось за народ, что определяло образ мыслей его, выстраивало и шлифовало его творческий акт, служило мерилom его лучших творений, выражая в них себя.

Творческая идея России не есть выдуманный мною идеал, которым бы я мог вдохновить свой народ в его исторических странствиях в дальнейшем; нет, она есть существующая в его душе склонность, тенденция, поиск, которым он следовал, следует и будет следовать и которые отражаются в структуре его творческого акта.

Не я засовываю в багаж русского народа эту творческую идею: с моей стороны это было бы наивным и достойным презрения самомнением, но я получил эту идею от русского народа, с молоком своей матери, дышал ею в самые ранние годы, прислушивался к ней, исследовал, познавал в более поздний период моей жизни, чтобы, наконец, сказать о ней, сформулировать и показать вам, провести её пред вашим взором как факт и как знание, дать её вам с собою в жизнь, если вы поняли её и захотите взять. Что это за идея?

В истории известны народы волевые, с трезвым целенаправленным устремлением, установкой на извлечение выгоды и господство - таковы древние римляне.

Знает история народы, склонные к чувственному созерцанию, народы, склонные к сверхчувственным мечтаниям, народы с религиозной одержимостью, народы с ясной сверкающей мыслью и народы с бессмысленным глубокомыслием, легкомысленные народы, склонные к удовольствиям, и твердолобые народы, склонные к вечным заговорам.

У каждого из них свой, присущий им творческий акт, свой путь в истории и идеал.

Русский народ прежде всего – народ чувства, и главный его творческий акт – акт сердца. К тому же это народ-созерцатель, главный его творческий акт – созерцание сердцем и поиски прекрасного. Это, как я уже говорил ранее, первичные силы его духа. Это, конечно, не означает, что он не обладает силой мысли и силой воли. Но последние развиваются в лоне первичных сил и обретают свою ценность - в плане онто- и фило-генеза - гораздо позже.

а) Русский мыслитель поднимается до истинных высот как мыслитель, созерцающий сердцем. Это многое объясняет и на многое проливает свет. Вот почему абстрактная теория познания - не русский национальный продукт; вот почему в высшую математику русский привносит сплав любви и созерцания (Лобачевский, Лузин); вот почему философия является для него видом религиозного поиска и очевидности; вот почему русские в качестве юристов - или политические, или общественные гуманисты-идеалисты; вот

почему медицина в России стала своего рода художественным проникновением (вчувствованием) в страдающую индивидуальность, синтезом созерцательного лечения. Там, где не требуется привнесения любви, поэзии, созерцания, красоты и религиозного чувства, русский мыслитель скучает или, наконец, привносит это всё в предмет исследования.

б) Соответственно этому становится безгранично сильной, стойкой и геройской русская воля, если она укоренена в сердечном созерцании; и растворится в страдании, произволе, тщеславии, если сердечное созерцание будут сдерживать и исключать. Вот почему русский как политик - идеалист и мечтатель; и строго-утилитарное государственное мышление оттачивается у него постепенно, через школу ошибок и горестей. Вот почему из семи всемирно известных теоретиков анархизма трое русских: Бакунин, Кропоткин, Толстой. Вот почему так часто склонны русские политики к этическому максимализму и нетерпению; вот почему мечтает русский об интернациональном братстве и ищет религиозного обоснования в каждом волевом решении; вот почему тот, кто намеревается воспитывать русский народ, должен начинать с его сердца, обратиться к силе его созерцания - если он не способен к этому (из-за собственного бессердечия и мелочного рассудка), ничтожно мало поймёт он в русском народе.

Вот почему тот, кто хочет обратить этот народ в религиозном плане, должен отбросить всякое лукавство, всякие угрозы, всякие теологически обоснованные увёртки и лучше принести с собой щедрую любовь и сердечное созерцание, иначе он преуспеет в бессмыслице и коварстве, и это будет таким успехом религиозной миссии, с которым его можно только поздравить; здесь ценится только одна монета - чистое золото искреннего сердечного созерцания; кто к нему не способен, должен отказаться от миссионерской работы в России, чтобы уберечься от неминуемого позора и множества мелких прегрешений.

Теперь можно сформулировать творческую идею России. Русский народ призван и как бы обязан свободно настроить свою культуру на этот основной акт и пропустить через сердечное созерцание. Буквально всю культуру – науку, философию, историю, медицину; все искусство – музыку, поэзию, живопись, скульптуру, архитектуру, театр, танец; воспитание, формирование характера, семейный быт, военное дело, свободное корпоративное дело, социальное обеспечение. Право: законодательство, государственное устройство, конституцию, судопроизводство, уголовный кодекс, вопросы тюремного содержания, систему субъективно-государственного права, адвокатуру, полицию, самоуправление. Экономику: вопросы хозяйствования, частной собственности, освоения земель, промышленности, кооперации. Буквально всю культуру русский подчинил этому основному национальному акту, подчинялся ему, строил и отстраивал все на его основе.

Огромная задача, прекрасная задача, на века.

Отсюда мне ясно, что прежде всего надо находить религиозные глубины народного духа, обрести равновесие, очищаться, укрепляться.

Христианин, и именно православный христианин, который вынашивал этот акт сердечного созерцания веками и сделал его иррациональным мерилем, должен обрести себя снова в русской душе и снова утвердиться в ней, даже после двадцатилетнего преследования церкви. К тому же творческая идея России, о которой я говорю, есть идея христианско-евангельская (то есть от Евангелия исходит, от Нового Завета) и в то же время православная и русская, привнесённая от восточной православной церкви и усвоенная и выношенная в этой наивной, народной, славянско-темпераментной и добродушно-природной форме.

По этой причине творческую идею России, о которой я говорю, можно было бы истолковать как свободную христианизацию всей культуры - христианизацию посредством свободного созерцания сердцем. Скажу без обиняков, во-первых, потому, что насильственная христианизация вызывает внутренний отпор - Россия в прошлом никогда не прибегала к этому, не прибегнет, конечно, и в будущем; во-вторых, говорю я, добровольная христианизация потому, что я хорошо знаю извечную жажду русского народа к свободе и ценю её; в-третьих, потому, что не государство привносит в культуру христианский дух, а христианизация всей культуры, в том числе и государства, которое она направляет в русло явно выраженных, придерживающихся рамок христианства задач.

И ещё одно: когда я говорю о христианизации всех культов, я не имею в виду клерикализацию государства и культуры (храни Господь!). Культура и государство - в плане их формы, сущности бытия, инстинктивных побудительных сил - должны оставаться светскими и свободными; должны строиться и жить творчески свободно, базируясь на свободном христианском созерцании сердцем и совестью. Церковь в данном случае предстаёт как бы матерью, которая никогда не откажет, никогда не изменит, но детей своих в мир посылает свободно. Церковь остаётся словно живую квинтэссенцией, оплотом духа и молитвы, родником, доброжелательным наставником, не претендующим на власть, а потому не унижающимся до столкновений - с властью. Душой и телом.

Культура остаётся творчески свободной и секуляризованной, но по содержанию истинной, христиански-истинной, поскольку произошла из живого и свободного созерцания сердцем и прошла очищение через горнило совести. Эта творческая идея могла бы быть выражена так: русский народ должен воспитывать свой национальный характер на основе свободного созерцания сердцем и созерцания совестью.

Эта творческая идея вынашивалась и проводилась в жизнь в течение веков, если не тысячелетий. В жизнь она проводилась крайне медленно, так медленно, как, впрочем, возникает всё истинно великое и прекрасное в

жизни: ибо медленно распускается цветок, медленно создается семейный быт, медленно вызревает неповторимая народная культура.

Однако это медленное осуществление будет тем успешнее, чем меньше будет русский народ тосковать по чужому добру, чем реже будет посягать на него. Это, конечно, говорится не из враждебности или, упаси Бог, из гордыни и тщеславия, а исходя из творческих соображений. Если позволите, я скажу об этом более образно, хотя и резковато, организм может переварить и с пользой усвоить лишь то, что заглотнул сам; если же разжевал и проглотил кто-то другой, я переварить это не смогу.

Примерно так обстоят дела в душевной и духовной сфере, а также в жизни народа: дух органичен, а организм есть самобытный остров-бытие, подчиняющийся своим собственным, только ему присущим закономерностям. Вот почему русский народ должен уважать чужое добро - в отношении чужой земли и чужой культуры и творить самостоятельно.

Скажем лишь одно слово о чужой культуре. Любой мёртвый рецепт чужой литературы, чужого права, чужой государственной формы, чужой религии - механичен, а потому фальшив, вреден, запутан.

Чужая культура, пусть даже превосходная, это цветок с чужой почвы, чужого климата, продукт чужой жизни, содержание чужеродного действия. Если кто из неё что-то берёт, он наносит ущерб своему собственному, естественному, свободному, национально-творческому акту. Принцип перенимания чего-либо ложен. Истинным является творческое деяние на основе собственного, нового содержания – пусть даже направление его и метод сформулировал кто-то раньше. Творческий перенос может быть славным, но тогда он уже будет считаться не переносом, а творческим делом.

И если русский народ останется верным национальной структуре творчества, он в созидании своей культуры пойдёт и дальше по традиционному пути, имеющему в основе своей созерцание сердцем. Там, где созерцание сердцем имеет место, будь то нравственность, общение людей, сущность семьи, социальная защита, всё ясно без слов. Особенно в сфере искусства. Вам, соотечественникам Руссо, Песталоцци и Лафатера, нет нужды говорить о том, что созерцание сердцем и созерцание совестью способствовало воспитанию народа и формированию его характера.

В военном искусстве красноречив образ Суворова. Что же касается позитивной науки, философии, конституции государства, суда, уголовного права, адвокатуры, частной собственности и экономики в целом, - то здесь открываются перспективы такой глубины и творческого простора, что поистине дух захватывает и сердце, в предчувствии радости, начинает биться. Об этом сегодня я говорить не стану. Я передоверю это вам самим и попрошу лишь об одном: попытайтесь подойти к сказанному мною хоть раз в сердечном созерцании, поверьте мне и моему жизненному опыту - это вопрос не мнимый, он требует творческого размышления, он откроет вам новые горизонты.

Эти горизонты грезилась русской народной душе на протяжении столетий. Дело обстоит так, как если бы эта творческая идея, подобная святой мечте, уже жила в скрытых тайниках души. Где-то там, куда отправился святой град Китеж, исчезнув, чтобы всегда существовать. Где-то там, где совесть пламенем горит, где воля подвигает к совершенству, где обитает старчество, где размышляют о Христе.

Этот духовный уровень, эта сфера любви и созерцания, эта область доброй воли, - где Божие царство реально начинается, а человек становится ткачом свободным за божественным станком и счастье мира ткёт из Божией нити - носит на русском языке особое название: оно обозначается как «Святая Русь». Russland - по-русски «Россия» или «Русь». Второе название короче, звучит интимнее, точнее, смиреннее, роднее.

«Святая Русь» - это то же самое, что «святая суть русского», «святой оплот», иначе - «святая энтелехия».

Так всё и есть, но из-за наших страданий и грехов - она в небрежении; возможно, даже погибает, не процветает, не разворачивается, живёт и взывает, находит выражение своё во всём, что появляется как истинно прекрасное из созерцающего сердца.

Она не мечта, не иллюзия, не плод воображения. Она реальна, эта святая народная энтелехия, реальнейшая в народном бытии, задающая ему смысл, руководящая им, влекущая, вдохновляющая. И речь о ней означает не гордость, не тщеславие, скорее предостережение, напутствие. Так было в течение веков. Наверное, останется и в будущем».

Ильин И.А., Творческая идея России / Собрание сочинений в 10-ти томах, Том 6, Книга II, М., «Русская книга», 1996 г., с. 613-620.